

А. М. Леонтьева

К ИСТОРИИ ВЫСШЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

(ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО И ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
В КАЗАНИ)

Высшее специальное образование в любой отрасли знания становится возможным при условии достаточно высокого уровня ее развития. Круг изучаемых в высшем учебном заведении дисциплин, методика их преподавания и степень специализации, учебные планы и программы могут свидетельствовать об этом уровне наравне с непосредственными достижениями в области конкретной науки, в данном случае — этнографии. Поэтому время и условия возникновения высшего специального этнографического образования в нашей стране имеют существенное значение для истории русской этнографии.

Осенью 1919 г. в Петрограде в составе Географического института был открыт Этнографический факультет. Акад. Д. К. Зеленин, оценивая это событие в связи с десятилетием советской этнографической науки, писал: «Здесь мы видим зарождение первой в СССР специальной высшей школы для систематической подготовки ученых этнографов... и будущий историк, конечно, признает возникновение в Ленинграде Этнографического факультета началом новой эры в жизни нашей науки»¹. Приоритет этого факультета в организации высшего специального этнографического образования в нашей стране был подтвержден целым рядом исследователей², которые, по всей вероятности, не приняли во внимание факта существования в Казани Этнографического отделения Северо-Восточного археологического и этнографического института, открытого еще в октябре 1917 г.

Довольно подробные материалы о начальном периоде деятельности этого института в целом в свое время были опубликованы М. В. Бреккевичем³ и использовались в дальнейшем в трудах по истории науки и про-

¹ Д. К. Зеленин. Этнография.— «Академия наук Союза Советских Социалистических Республик за 10 лет. 1917—1927», с. 101.

² См. Д. К. Зеленин. Обзор советской этнографической литературы за 15 лет.— «Сов. этнография» (далее — СЭ), 1932, № 5—6, с. 240; Н. М. Маторин. Пятнадцать лет советской этнографии.— СЭ, 1932, № 5—6, с. 6; В. В. Струве. Советская этнография и ее перспективы.— «Советская этнография». Сб. статей. т. II. М.—Л., 1939, с. 3; С. П. Толстов. Советская школа в этнографии.— СЭ, 1947, № 4, с. 9; его же. Сорок лет советской этнографии.— СЭ, 1957, № 5, с. 31; С. А. Токарев. Советская этнография за 40 лет.— «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 2 (8), с. 81; С. П. Толстов, Т. А. Жданко. Пути развития и проблемы советской этнографии.— «Вопросы истории», 1964, № 7, с. 5; А. И. Першиц, Н. Н. Чебоксаров. Полвека советской этнографии.— СЭ, 1967, № 5, с. 4; Н. И. Гаген-Торн. Ленинградская этнографическая школа в двадцатые годы (У истоков советской этнографии).— СЭ, 1971, № 2, с. 138; Т. В. Станюкович. Из истории этнографического образования (Ленинградский географический институт и географический факультет ЛГУ).— «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии», вып. V. М., 1971, с. 123; С. А. Токарев. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 г.—середина 1930-х годов). Там же, с. 114.

³ М. В. Бреккевич. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в Казани.— «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те»,

свещения в Поволжье⁴. Этнографическое отделение института объектом специального исследования до сих пор не являлось, хотя именно здесь мы видим первый опыт организации высшего специального этнографического образования в нашей стране.

Создание Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани обычно связывают с инициативой действовавшего тогда «Общества мелких народностей Поволжья»⁵. Но это утверждение требует некоторого уточнения. Съезд этого общества, состоявшийся в мае 1917 г., действительно высказал пожелание «восстановить при Казанском университете факультет восточных языков с институтом при нем для изучения живых языков, быта, этнографии, истории мелких народностей Поволжья и вообще Востока России»⁶, но положение об институте было утверждено в Министерстве народного просвещения еще 30 ноября 1916 г.⁷, а временный организационный комитет «для подготовительных к открытию института действий» был избран 16 февраля 1917 г. Организационный комитет составили: учредитель института профессор по кафедре русского права Казанского университета С. П. Покровский и восемь членов: Б. Ф. Адлер, Н. И. Ашмарин, М. В. Бречкевич, Н. Ф. Высоцкий, А. М. Миронов, Л. М. Савелов, Н. Н. Фирсов и К. В. Харлампович⁸. К этому времени в кассе института уже имелось около 1500 руб., пожертвованных частными лицами и вырученных от устройства концерта студенческим драмкружком университета⁹.

Таким образом, «Общество мелких народностей Поволжья», не будучи инициатором создания института, но заинтересованное в нем, помогло ускорить его открытие. Косвенным путем оно поддержало бюджет института. В мае 1917 г. от этого общества в состав 98-го чрезвычайного Казанского губернского земского собрания был избран Н. В. Никольский, который стал заниматься в Казанской губернской земской управе вопросами народного образования; в июне 1917 г. на него были возложены обязанности председателя этой управы¹⁰. Разумеется, не без его влияния Казанская губернская земская управа в сентябре 1917 г. ассигновала институту 7000 рублей. Число пожертвований увеличилось к этому времени до 4500 руб.¹¹, что позволило 4 октября 1917 г. открыть институт.

Сразу же после Великой Октябрьской социалистической революции в ответ на ходатайство Казанской губернской земской управы от 28 ноября 1917 г. Комиссариат народного просвещения утвердил за институтом права высшего учебного заведения и установил ежегодную субсидию¹².

Органом управления института был Совет. Документа, регламентирующего его деятельность, не сохранилось. О составе и полномочиях

т. XXX, вып. 1. Казань, 1919, с. 81—87; *его же*. Северо-Восточный археологический и этнографический институт в г. Казани.— «Изв. Северо-Восточного археологического и этнографического ин-та в гор. Казани», т. 1. Казань, 1920, с. 1—9.

⁴ С. Н. Иванов. Николай Федорович Катанов, 1862—1962. Очерк жизни и деятельности. М.—Л., 1962, с. 82—83; М. З. Тутаев. Октябрь и просвещение.— «Очерки истории просвещения в Татарии накануне Октябрьской революции и в первые годы Советской власти». Казань, 1970, с. 347—351.

⁵ См. М. К. Корбут. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет. 1804/05—1929/30, т. 1. Казань, 1930, с. 139; Н. В. Никольский. Национальные отделения Восточного педагогического института.— «Новый педагог. Организация и работа Восточного педагогического института в Казани. Итоги пяти лет 1922—27». Казань, 1927, с. 62.

⁶ «Протоколы 1-го общего собрания представителей мелких народностей Поволжья 15—22 мая 1917 г.». Казань, 1917, с. 31.

⁷ М. В. Бречкевич. Указ. раб., с. 81—87.

⁸ Центральный государственный архив Татарской АССР (далее — ЦГА ТАССР), ф. 1339, оп. 1, д. 3, л. 1.

⁹ Там же,

¹⁰ Там же, ф. 81, оп. 1, д. 276, лл. 78, 135.

¹¹ Там же, ф. 1339, оп. 1, д. 3, л. 3.

¹² Там же, д. 2, л. 2, об.; д. 8, л. 1.

Совета можно судить по его протоколам и некоторым другим источникам. В анкете, составленной по заданию Губстатбюро в конце 1919 г., в графах «количество профессоров и преподавателей» и «количество членов Совета» указано одно число — 26¹³. Отсюда можно заключить, что в Совет входил весь профессорско-преподавательский состав института.

В начале апреля 1917 г. в Совете Казанского университета обсуждался вопрос об участии представителей студенчества в университетских органах управления, а 22 апреля большинство членов Совета высказалось против допущения студентов на его заседания¹⁴. Отрицательно этот вопрос был решен и на совещании представителей высших учебных заведений при Министерстве народного просвещения в июне 1917 г.¹⁵ Основной состав профессоров и преподавателей Северо-Восточного археологического и этнографического института был приглашен из Казанского университета, но в Институте участие студентов в работе Совета не вызвало никаких возражений. В заседаниях Совета в дальнейшем принимали участие также комиссар высших учебных заведений Казани¹⁶ и представитель политического отдела Центральной мусульманской военной коллегии¹⁷. Совет собирался по мере надобности, иногда по несколько раз в месяц. Его заседания начались еще до открытия института. Первый из сохранившихся протоколов датирован 26 сентября 1917 г.

28 сентября 1917 г. Совет избрал директора института и деканов всех трех отделений: археографического, археологического и этнографического¹⁸. Первым директором института стал С. П. Покровский. 5 января 1919 г. его сменил М. В. Бречкевич¹⁹.

Деканом Этнографического отделения был избран Бруно Федорович Адлер. К этому времени он был «хорошо известен за границей и в России своими трудами по антропогеографии и этнологии»²⁰, одним из первых сформулировал ряд проблем, связанных с охраной природы и разумным использованием ее ресурсов²¹. Б. Ф. Адлер был избран на кафедру географии и этнографии Казанского университета в 1911 г. Здесь он читал земледование, общую этнологию и соматическую антропологию²². С именем этого ученого в значительной мере связано развитие преподавательской и исследовательской работы в области этнографии и доисторической культуры в Казанском университете²³.

При его содействии было совершено несколько этнографических экспедиций, в том числе по дальним районам Сибири (Дальний Восток, низовья Оби и др.); коллекции, собранные экспедициями, демонстрировались на выставках²⁴ и в Музее этнографии и археологии, созданном

¹³ ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 1, д. 19, лл. 22 об. — 34.

¹⁴ В. И. Писарев. Казанский университет в период Великой Октябрьской социалистической революции, гражданской войны и иностранной военной интервенции (1917—1920 гг.). — «История Казанского государственного университета имени В. И. Ульянова-Ленина (Материалы к обсуждению)», Казань, 1954, с. 86.

¹⁵ В. И. Писарев. Указ. раб., с. 87.

¹⁶ М. З. Тугаев. Указ. раб., с. 338.

¹⁷ ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 2 л. д. 2а, л. 52.

¹⁸ Там же, оп. 1, д. 3, лл. 6 об., 8.

¹⁹ Там же, л. 73 об.

²⁰ «Уч. зап. Имп. Казанского ун-та», Год LXXVIII, кн. 5-я. Казань, 1911, с. 31.

²¹ В. Ф. Адлер. Der Nordasiatische Pfeil. — «Internationales Archiv für Ethnographie». Leiden, 1901—1902, В. XIV—XV; его же. Карты первобытных народов. — «Труды Географического отделения императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. CXIX, с. 1—350; его же. Музей этнографии и антропологии имени императора Петра Великого при императорской Академии наук. «Уч. зап. Казанского пед. ин-та», вып. 132, 1974, с. 57.

²² «Обозрение преподавания по физико-математическому факультету Казанского университета на 1917—1918 учебный год». Казань, 1917, с. 31.

²³ М. К. Корбут. Наука в Казанском университете за последние 25 лет. — «Уч. зап. Казанского гос. ун-та им. В. И. Ульянова-Ленина», 1930, кн. 3—4, с. 350.

²⁴ Там же, с. 350.

Б. Ф. Адлером при руководимой им кафедре²⁵. Значительную часть экспонатов музея составили коллекции Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете²⁶. Б. Ф. Адлер был активным членом Общества и, став его председателем²⁷, приложил много усилий для поддержания его деятельности после Октябрьской революции.

В 1919 г. он был откомандирован в распоряжение Всероссийской коллегии по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата по просвещению для участия в работе по научной постановке музейного дела в РСФСР²⁸. Высокий научный авторитет Б. Ф. Адлера подтверждается также указанием В. И. Ленина ускорить решение вопроса о командировке ученого за границу в 1922 г.²⁹.

3 июля 1920 г. вторым после Б. Ф. Адлера и последним деканом Этнографического отделения института был избран Николай Васильевич Никольский³⁰. Это был один из наиболее активных организаторов историко-этнографического изучения народов Поволжья. Еще в 1904 г. он опубликовал «Программу для собирания сведений о чувашах», положив начало созданию всемирно известной коллекции по фольклору чувашей, составившей в дальнейшем около 300 томов. Материалы этой коллекции и личные наблюдения Н. В. Никольского легли в основу изданных им первых курсов по этнографии чувашей³¹. Ученому принадлежит более 50 сочинений по этнографии, истории и языку чувашей, татар, коми-зырян, удмуртов и марийцев. Он был первым чувашом, получившим ученую степень магистра до Октябрьской революции. С 1916 г. Н. В. Никольский читал в Казанском университете курсы истории финских и тюркских племен Поволжья³². Являясь сторонником преподавания истории бесписьменных народов на этнографической основе, Никольский широко использовал в своих лекциях материалы по этнографии народов Поволжья, чем привлекал слушателей-студентов с разных факультетов университета. 28 ноября 1919 г. по представлению С. Е. Малова и Н. Ф. Катанова Совет Северо-Восточного археологического и этнографического института единогласно присвоил Н. В. Никольскому звание профессора³³. Н. В. Никольский принадлежал к числу лучших представителей дореволюционной интеллигенции, отдававших все силы развитию науки в условиях нового общества. К концу 20-х годов он считался «наиболее крупным исследователем быта народов Поволжья»³⁴. Труды Н. В. Никольского «Конспект по истории народностей Поволжья» (1919), «Основы инородческого просвещения» (1919), «Сборник исторических материалов о народностях Поволжья» (1920) имелись в библиотеке В. И. Ленина в Кремле³⁵. Н. В. Никольский был активным популяризатором историко-этнографических знаний. По свидетельству С. Е. Малова, он был «желанным лектором» на многочисленных в то время кратковременных педагогических

²⁵ И. Н. Александров. Научно-теоретические и методико-педагогические проблемы географии в Казанском университете в связи с развитием географических идей в России (XIX — начало XX века). Казань, 1964, с. 213.

²⁶ И. Н. Александров. Указ. раб., с. 213.

²⁷ Там же, с. 212—213.

²⁸ ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 2 л., д. 6, л. 2.

²⁹ «Исторический архив», 1961, № 5, с. 50, 70.

³⁰ ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 1, д. 27, л. 9.

³¹ Н. В. Никольский. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань (издания 1908, 1911, 1919); *его же*. Краткий курс этнографии чуваш, вып. 1. Чебоксары, 1928.

³² «Императорский Казанский университет. Обзорение преподавания в 1916—1917 учебном году. По историко-филологическому факультету». Казань, 1916, с. 22.

³³ ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 1, д. 3, л. 116; д. 4, л. 36.

³⁴ «Труды Комиссии по изучению племенного состава населения СССР и сопредельных стран», т. 15. «Финно-угорский сборник». Л., 1928, с. 48.

³⁵ «Библиотека В. И. Ленина в Кремле». Каталог. М., 1961, № 1924, 1925, 5255, 6523.

курсах³⁶. Весьма существенным было его участие и в налаживании краеведческой и музейной работы в республиках Поволжья.

Преподаватели института, хотя и читали свои курсы на разных отделениях, состояли в штате только одного из них, где вместе с деканом обсуждали вопросы, касавшиеся этого отделения; протоколы таких совещаний утверждались затем Советом института³⁷. Преподавательский состав Этнографического отделения в 1919 г. составили: Б. Ф. Адлер (общая этнография, музееведение), Н. И. Ашмарин (казанско-татарские наречия); Н. Ф. Высоцкий (археология), А. И. Емельянов (финно-угорское языковедение), Н. Ф. Катанов (источниковедение местного края, восточная хронология и нумизматика, история Золотой орды), С. Е. Малов (турецкие³⁸ племена и наречия, восточная палеография), Н. В. Никольский (этнография и история просвещения народов Поволжья), Н. М. Петровский (славянская этнография)³⁹.

На заседании Совета института 14 декабря 1917 г. был рассмотрен запрос слушателей «О точном разделении института на три отделения в читаемых курсах с указанием предметов, обязательных для каждого отделения и факультативных»⁴⁰. Вскоре был составлен весьма разносторонний учебный план этнографического отделения на все четыре года обучения — восемь семестров⁴¹.

Весной 1919 г. обсуждался, но так и не был решен вопрос о возможности сокращения срока обучения на Этнографическом отделении до трех лет⁴².

Перед Этнографическим отделением стояла задача подготовки на основе общеобразовательных дисциплин и общей этнографии специалистов по этнографии «турецко-татарских» или угро-финнских племен. Это достигалось не только преобладанием этнографических дисциплин в программе обучения, но и тем, что лекции по истории и языкознанию читались с этнографическим уклоном. Сохранились программы курсов А. Емельянова «Введение в изучение угро-финнских наречий» и Н. Ашмарина «Краткое введение в изучение казанско-татарского наречия». Оба курса начинаются с историко-этнографического обзора этих племен и общей характеристики их наречий и раскрывают затем «типические особенности» каждой народности и ее языка и взаимоотношения между

³⁶ ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 2 л., д. 6, л. 54.

³⁷ Там же, оп. 1, д. 3, л. 109 об.

³⁸ В современном значении — тюркские.

³⁹ ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 1, д. 30, л. 6.

⁴⁰ Там же, д. 3, л. 11.

⁴¹ В программу были включены следующие дисциплины: русская история, история Золотой Орды, история Сибири, введение в общее языкознание, история русского языка, введение в финно-угорское языкознание, введение в турецко-татарское языкознание, монгольский и арабский языки, история народной словесности, история восточных народных литератур, финские или турецкие наречия, история искусств (древний период), история русского искусства, история международных отношений, юридические древности, обычное право инородцев России, первобытная археология (общий курс и практические занятия), антропогеография, антропология (общий курс и практические занятия, мусульмановедение, общая этнография, славянская этнография, история религий, история просвещения Северо-Восточной России, музееведение, метрология, география, историческая география, география Сибири, география Поволжья, геология (общий курс и практические занятия), юридические древности, славянские древности, тюрко-монгольские древности, финно-угорские древности, практические занятия по общей этнографии, медицинская этнография, этнография Поволжья, этнография Сибири (ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 1, д. 2, л. 6). В дальнейшем в этот план вносились коррективы. Медицинская этнография была исключена, история русской народной словесности вместо одного 6-го семестра читалась в 5-м и 6-м семестрах (там же, д. 3, л. 12 об.). В связи с введением весной 1919 г. третьего, летнего семестра в программе появились новые предметы: история народностей Поволжья, этнография чувашей, этнография турецких племен, этнография финно-угорских племен, восточная нумизматика, восточная хронология, современные западноевропейские языки и др. (там же, д. 13, л. 14—14 об.).

⁴² ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 1, д. 3, л. 109 об.

наращениями каждой группы⁴³. Курс Н. В. Никольского по истории народностей Поволжья читался также с этнографическим уклоном. Такое построение курса было обосновано им применительно к нерусским школам: «Думается, что если бы преподавание истории было поставлено на этнографическую почву, она была бы для учеников-инородцев не простым только сборником интересных рассказов, а живым воспоминанием о «родном», своем прошлом, может быть, и переживанием своего прошлого, этим путем удобнее достигалась бы другая и коренная цель изучения истории — развитие в учащихся сознательного патриотизма»⁴⁴.

Навыки исследователей-этнографов студенты приобретали во время частых экскурсий и довольно продолжительных экспедиций в различные районы Волжско-Камского края. Необходимость и неотложность таких поездок была подробно мотивирована в заявлении А. И. Емельянова о разрешении ему полугодовой командировки с сохранением содержания «в местности с инородческим населением финно-угорского племени»: «Не нужно быть пророком, чтобы с уверенностью утверждать, что еще несколько лет и для науки навсегда исчезнут, может быть, интересные явления и факты из быта и верований наших мелких народностей, и прежде не проявлявших достаточной стойкости в сохранении своих национальных черт и особенностей. Поэтому нравственный долг и ближайшая задача современного этнографа — это немедленно ехать в глушь инородческих селений для записи и собирания этнографического материала, для отыскания на месте лиц, интересующихся этим делом и установления с ними живой непосредственной связи»⁴⁵. Советом института 4 октября 1920 г. А. И. Емельянову были разрешены выезды в местности с финно-угорским населением Казанской и Вятской губерний⁴⁶ в соответствии с важнейшими целями института — «изучать силами своих старших и младших членов (т. е. профессуры и студенчества) местный край с точки зрения этнографии, антропологии, географии, археологии и других древностей, искусства, истории, быта и вообще культурных проявлений» и «содействовать собиранию и сохранению памятников быта и культуры путем образования коллекций, музеев, архивов, кабинетов и т. д.»⁴⁷.

Результаты научных поездок обсуждались на специальных «научных собраниях», где студенты выступали «на равных с профессорами началах: как докладчики и оппоненты»⁴⁸. Здесь были прослушаны доклады студентов: А. Гафарова — о народной медицине у казанских татар; В. Ф. Груздева — о татарских наговорах против заразных болезней; М. Губайдуллиной — об остатках шаманства у татар-мусульман и др.

Собранные во время научных экспедиций этнографические коллекции впоследствии поступили в Государственный музей Татарской АССР⁴⁹.

В деятельности института важное место занимала пропаганда этнографических знаний. В 1920 г. в Казани была открыта «Выставка культуры народов Востока». В течение четырех с половиной месяцев ее посетило 20 тыс. человек⁵⁰. Основные разделы выставки были созданы преподавателями института: Б. Ф. Адлером и М. Г. Худяковым (болгары), М. и А.-К. Губайдуллиными (татары), М. Е. Евсеевым (чуваши, черемисы), Н. Ф. Катановым и А. И. Мироновым (китайский отдел), Б. П. Денике (искусство), П. М. Дульским (миниатюра)⁵¹. На Первой государ-

⁴³ Там же, д. 2, л. 39—39 об., 47; д. 4, лл. 37, 40.

⁴⁴ Научный архив Научно-исследовательского института при Совете Министров Чувашской АССР, отд. 1, д. 161, л. 216.

⁴⁵ ЦГА ТАСР, ф. 1339, оп. 2 л., д. 9, л. 23—24.

⁴⁶ Там же, оп. 1, д. 3, л. 131.

⁴⁷ Там же, д. 39, л. 61 об.

⁴⁸ Там же, л. 65.

⁴⁹ «Государственный музей Татарской АССР». Путеводитель. Казань, 1970, с. 3.

⁵⁰ «Казанский музейный вестник», 1921, № 1—2, с. 144.

⁵¹ «Выставка культуры народов Востока». (Путеводитель по выставке). Казань, 1920.

ственной выставке искусств и науки в Казани (1920 г.) было представлено 2000 произведений, из них половина — из этнографических коллекций. В связи с этой выставкой Б. Ф. Адлер опубликовал статью «Искусство в освещении этнологии»⁵² и описание археологического и этнографического разделов выставки⁵³.

Важную роль в пропаганде этнографических знаний играл «Казанский музейный вестник» — журнал Казанского подотдела Всероссийской коллегии по делам музеев и охраны памятников искусства и старины при Народном комиссариате просвещения. Редакционная коллегия журнала состояла из трех преподавателей института — Б. Ф. Адлера, П. М. Дульского и К. В. Харламповича. В журнале сотрудничали Н. Ф. Высоцкий, М. Е. Евсеев, Н. Ф. Катанов, С. Е. Малов, Н. Н. Фирсов, М. Г. Худяков и другие преподаватели института. В течение 1920—1922 гг. вышло 16 номеров (восемь книг) этого журнала.

О научно-исследовательской работе Этнографического отделения отчасти свидетельствуют материалы, опубликованные в «Известиях Северо-Восточного археологического и этнографического института в гор. Казани». Было издано два тома «Известий»⁵⁴. Статьи по этнографии содержатся главным образом во втором томе. Это «Материалы для антропологии западных славян» и «Очерки истории добывания и приготовления пищи» Б. Н. Винецкого, «Народные способы лечения глазных болезней татар в Казанской губ.» и «Из народной медицины русских и татар б. Казанской губернии» студента В. Ф. Груздева, «Отголоски золотоординской старины в народных верованиях чуваш» Н. И. Ашмарина.

Большие затруднения в учебном процессе вызывало отсутствие учебников. В марте 1918 г. Совет института постановил большинством голосов (семь против пяти) удовлетворить ходатайство слушателей и устроить ввиду отсутствия учебников только один экзамен по выбору самих слушателей для перехода на второй курс⁵⁵. Проект Н. Ф. Катанова использовать для издания учебников средства переводческой комиссии при Казанском учебном округе не осуществился⁵⁶. Безрезультатны оказались и командировки студентов в Москву для приобретения учебных пособий⁵⁷. Поэтому публикация в первом томе «Известий» института курса лекций проф. Н. Ф. Катанова по восточной хронологии была весьма своевременной. Преподаватели института предпринимали героические усилия по написанию и изданию учебников. Лишь Н. В. Никольский в течение двух лет издал семь учебных пособий⁵⁸.

Не меньшие трудности создавало отсутствие собственного помещения. Лекции читались в зданиях университета и бывшего коммерческого училища⁵⁹. В университете институт в определенные часы мог пользоваться аудиториями музея искусств и географического музея⁶⁰. В коммерческом училище ему были предоставлены четыре аудитории, комната для канцелярии, казначейства и библиотеки, большой зал для исторического, этнографического и археологического музея и место для

⁵² «Первая государственная выставка искусств и науки в Казани». (Каталог). Казань, 1920, с. 79—86.

⁵³ Там же, с. 87—92.

⁵⁴ «Изв. Северо-Восточного археологического и этнографического ин-та в гор. Казани», т. I, Казань, 1920; т. II, Казань, 1921.

⁵⁵ ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 1, д. 3, л. 33.

⁵⁶ Там же, л. 36 об.

⁵⁷ Там же, оп. 3 л., д. 9, л. 1.

⁵⁸ Н. В. Никольский. Конспект по истории народностей Поволжья. Казань, 1919; *его же*. Сборник исторических материалов о народностях Поволжья. Казань, 1919; *его же*. Конспект по истории чуваш. Казань, 1919; *его же*. Конспект по грамматике чувашского языка. Казань, 1919; *его же*. Краткий конспект по этнографии чуваш. Казань, 1919; *его же*. История мари, вып. 1. Казань, 1920; *его же*. Конспект по истории народной музыки у народностей Поволжья. Казань, 1920.

⁵⁹ ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 1, д. 3, л. 59—59 об.

⁶⁰ М. В. Бречкевич. Указ. раб., с. 83.

хранения архивных документов упраздненных учреждений⁶¹. Все эти помещения были сданы институту за 2700 руб. без отопления и освещения⁶². Денег для покупки даже подержанной мебели не было, и аудитории оборудовались простыми скамьями. После продолжительных хлопот в сентябре 1919 г. институту был предоставлен для постройки собственного здания участок земли⁶³, но осуществить строительство в те годы было очень трудно. Более того, в конце октября 1919 г. все помещения института в коммерческом училище были заняты госпиталем для тифозных больных. Библиотеку спешно перевели в здания бывшей Духовной академии и бывших Высших женских курсов. Музейные экспонаты временно были размещены в университете, с большим трудом удалось договориться о проведении там же лекций⁶⁴.

Декретом № 40 СНК ТССР от 15 декабря 1920 г. институт был реорганизован в Восточную академию — «ученое и высшее учебное заведение ТССР, имеющее целью всестороннее изучение Востока, распространение научных знаний на Востоке и подготовку культурных работников из народных масс восточных республик и областей»⁶⁵.

В составе Восточной академии было четыре отделения: историко-археологическое, этнографическое, словесное и социально-экономическое с трехгодичным курсом обучения. Круг предметов преподавания на этнографическом отделении по сравнению с институтом был сужен⁶⁶.

Студенты Этнографического отделения Северо-Восточного археологического и этнографического института не успели закончить курс обучения до его реорганизации. Официальная передача дел института Восточной академии состоялась в июле 1921 г. По условиям, выработанным организационным комитетом Восточной академии, студенты последнего курса института переходили в академию без экзаменов⁶⁷. Им было разрешено закончить обучение по прежним учебным планам при условии сдачи зачетов по важнейшим предметам, не читавшимся в институте⁶⁸.

Точное количество выпускников Этнографического отделения института неизвестно. Вероятно, оно было небольшим, что объясняется как историческими условиями, так и кратковременностью существования института. Динамика численности студентов была следующей: в 1917/18 учебном году в институт было принято 197 человек, в 1918/19—91, в 1919/20—84 человека⁶⁹; осенью 1919 г. на всех отделениях института числилось всего 119 учащихся, из них на Этнографическом отделении — 28 (12 — на первом курсе, 4 — на втором и 12 — на третьем)⁷⁰; к декабрю

⁶¹ ЦГА ТАСР, ф. 1339, оп. 1, д. 38, л. 40.

⁶² Там же, д. 3, л. 59.

⁶³ Там же, л. 103.

⁶⁴ Там же, д. 38, л. 40.

⁶⁵ Там же, ф. 225, д. 1, л. 1.

⁶⁶ Остались: введение в языкознание, этнография турецко-татарских народов, русская этнография, всеобщая история искусства, история искусства Востока, турецко-татарская словесность, история турецко-татарских народов, антропология, антропология народов Востока, народоведение, психология народов, техническое рисование и фотографирование. В числе общих предметов значились история культуры и социологии, землеведение с географией Поволжья и Азии, русская история, история Поволжья и новые языки (ЦГА ТАСР, ф. 225, оп. 1, д. 3, лл. 84—84об., 88). Был составлен перечень предметов, которые нужно было сдать при окончании Этнографического отделения Восточной академии: русская история, один из восточных литературных языков, хронология, география Поволжья или Азии, этнология, народоведение, этнография русская, турецко-татарская или финно-угорская, словесность татарская или финно-угорская, история Татарии или финно-мусульманская культура, антропология народов Востока и история искусств Востока (там же, л. 86 об.).

⁶⁷ ЦГА ТАСР, ф. 225, оп. 1, д. 3, л. 89.

⁶⁸ Там же, л. 9.

⁶⁹ Там же, ф. 1339, оп. 3 л., д. 8, л. 2.

⁷⁰ Там же.

1919 г. на Этнографическом отделении осталось 19 человек⁷¹, а к сентябрю 1920 г. — 16⁷².

По всей вероятности, в Казани состоялся только один выпуск студентов-этнографов, так как осенью 1922 г. в связи с общей реорганизацией высших учебных заведений Восточная академия была закрыта.

В августе 1922 г. к ректору Восточной академии обратились три бывших студента Этнографического отделения института Е. Б. Буртаев, А. Г. Гафаров и А. А. Казначеев с просьбой рассмотреть и утвердить проект диплома об окончании курса Северо-Восточного археологического и этнографического института для напечатания его в типографии. На их заявлении имеется резолюция ректора: «Удовлетворить»⁷³. К сожалению, сам проект не сохранился. До получения диплома выпускникам были выданы временные удостоверения. Приводим текст одного из них: «Настоящим удостоверяется, что предъявитель сего гр-н д. Горки Воскресенской вол., Арского кантона ТССР Александр Афанасьевич Казначеев весной сего 1922 года окончил полный курс Этнографического факультета Северо-Восточного археологического и этнографического института, преобразованного в 1921 г. в Восточную академию. Удостоверение сие выдано Казначееву впредь до получения им выпускного свидетельства»⁷⁴.

Сохранилась копия еще одного временного удостоверения об окончании Этнографического отделения. Оно соответствует требованиям, установленным Советом института еще в декабре 1920 г.: «Выдавать удостоверения с указанием времени пребывания в институте, названий прослушанных курсов и сданных зачетов»⁷⁵. Это удостоверение интересно тем, что в нем указан круг изученных студентом дисциплин. Оно было выдано Семену Петровичу Горскому, происходившему из крестьян дер. Вурман-Кибек, Малояушевской вол., Ядринского у. Чувашской автономной области «в том, что он состоял студентом Восточной академии (б. Северо-Восточный институт) с 1 октября 1917 года по 15 июня 1922 года, прослушал полный курс Восточной академии по Этнографическому отделению и выполнил теоретические и практические работы по следующим дисциплинам: 1. Этнография (общий курс). 2. Этнография чуваш. 3. Антропология (общий курс). 4. Археология (доисторическая). 5. География (общее землеведение). 6. Геология. 7. Зарисовка этнографических и археологических предметов. 8. Новая русская история. 9. История Поволжья. 10. История Золотой Орды. 11. История народностей Поволжья. 12. История античного искусства. 13. История русского зодчества. 14. История религий. 15. Исламоведение. 16. Введение в общее языкознание. 17. Палеография (общий курс). 18. Палеография славянская. 19. Обзор турецких племен и наречий. 20. Немецкий язык. 21. Чувашский язык»⁷⁶.

Как видно из перечня дисциплин, С. П. Горский специализировался в институте по чувашскому языку и этнографии чувашей. Впоследствии он стал крупным исследователем в области чувашского языка⁷⁷. Одному из первых в Советской Чувашии ему была присуждена ученая степень доктора филологических наук.

Среди студентов, обучавшихся одновременно на двух отделениях института — Восточном и Этнографическом, обратила на себя внимание

⁷¹ Там же, оп. 1, д. 19, л. 33.

⁷² Там же, д. 4, л. 11.

⁷³ Там же, ф. 225, оп. 1, д. 15, л. 1.

⁷⁴ Там же, оп. 3 л., д. 20, л. 30.

⁷⁵ Там же, ф. 1339, оп. 1, д. 3, л. 136.

⁷⁶ Там же, оп. 4 л., д. 31.

⁷⁷ С. П. Горский. Учебник чувашского языка для лиц, не владеющих чувашским языком. Чебоксары, 1930; *его же*. Аналитические и синтетические тенденции в чувашском языке. — «Записки Чувашского НИИ языка, литературы и истории», вып. 1. Чебоксары, 1941, с. 69—107; *его же*. Очерки по истории чувашского литературного языка (дооктябрьский период). Автореф. докт. дис. М., 1950; *его же*. Очерки по истории чувашского литературного языка дооктябрьского периода. Чебоксары, 1959.

преподавателей «выдающаяся по способностям, познаниям и проявленному интересу к знаниям» Мариам Салеховна Губайдуллина⁷⁸. В октябре 1920 г. Совет института постановил: «Оставить окончившую курс Губайдуллину на кафедре этнографии Востока и просить проф. Катанова и Малова выработать главные и дополнительные предметы, необходимые для изучения при подготовке к профессорскому званию, поручив ее главному руководству проф. Малова»⁷⁹. Мариам Губайдуллина и ее брат Абдул-Кадир, тогда же закончивший Восточное и Этнографическое отделения института, в 1921 г. упоминались в числе преподавателей Восточной академии: Мариам Салеховна преподавала этнографию турецко-татарских племен, Абдул-Кадир Салехович — арабскую каллиграфию⁸⁰. Еще в 1920 г. они вошли в состав Комиссии по организации Музея народов Востока в Казани и опубликовали совместное описание татарского отдела выставки⁸¹, а также составленное Мариам Губайдуллиной описание коллекции М. Галеева⁸². В 1925 г., когда подводились итоги развития социальных наук в Татарии по случаю пятилетия республики, отмечалось, что «в области этнографии... ведется усиленная работа со стороны главным образом троих молодых ученых — Ю. Н. Воробьева, Мариам Губайдуллиной и Кадира Губайдуллина»⁸³.

Таким образом, Этнографическое отделение Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани выпустило талантливых исследователей-этнографов. Несмотря на кратковременное существование в тяжелых условиях гражданской войны и голода, институт провел ценную работу по собиранию этнографического материала и популяризации этнографических знаний. Этнографическое отделение института готовило специалистов-этнографов как широкого профиля, так и специалистов в области турецко-татарской и финно-угорской этнографии на базе «живого» этнографического материала народов Поволжья и Приуралья.

FROM THE HISTORY OF SPECIALIZED ETHNOGRAPHICAL HIGHER EDUCATION: THE ETHNOGRAPHY DIVISION OF THE INSTITUTE FOR ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE NORTH-EAST IN KAZAN'

The paper describes the first attempt made in our country to train specialists in ethnography at the higher education level. This took place in the Ethnography Division of the North-East Archaeology and Ethnography Institute in Kazan'. The Institute was opened in October 1917 and comprised three divisions: the archaeological, the archaeographical and the ethnographical. In 1920 it was reorganized as an Oriental Academy which then existed for two more years. In the Ethnographical Division comprehensive educational subjects were taught as well as general ethnography; students specialized according to their own choice in Finno-Ugric or in Turkic tribes. In spite of the short term of its existence and the severe conditions during the Civil War the Institute, which numbered among its teaching staff such prominent scholars as B. F. Adler, N. J. Ashmarin, A. J. Emelyanov, S. E. Malov, N. V. Nikolsky and others, also achieved some work in collecting ethnographical material and in publishing scientific works.

⁷⁸ ЦГА ТАССР, ф. 1339, оп. 1, д. 3, л. 134.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же, ф. 225, оп. 1, д. 10, л. 1 об.

⁸¹ М. и А.-К. Губайдуллины. Татары. — «Выставка культуры народов Востока (Путеводитель по выставке)». Казань, 1920, с. 33—38.

⁸² М. Губайдуллина. Коллекция М. Галеева. — «Казанский музейный вестник», 1921, № 1—2, с. 84—87.

⁸³ Г. Губайдуллин. Что сделано в области социальных наук в Татарской республике в течение 5 лет. — «За 5 лет. К V годовщине провозглашения Татарской социалистической советской республики». Казань, 1925, с. 167—176.